

Казалось бы, после того как в Театр на Малой Бронной назначили нового худрука Леонида Трушкина, страсти должны были затихнуть. Но не тут-то было. Лев Дуров, добровольно оставивший пост руководителя театра, поведал "МК" правду о событиях последних дней. И хотя изменить что-то он уже не в силах, но побороться решил.

ДУРОВ ДЕРЖИТ УДАР?

— Да никакой борьбы не будет, — говорит Лев Константинович, сидя в своей московской квартире на Фрунзенской набережной. Он явно раздосадован и заведен. — Я лучше тебе сказку расскажу. Дело было давнее — в конце 60-х я мотался по Москве с письмом в защиту Эфроса, уволенного из театра "Ленком". Собираю подписи. Юрий Петрович Любимов посмотрел на письмо: "Чего еще от них ждать?" — спросил и резко подписал. Поехал к Улановой, она: "Боже, что творят!" — тут же подписала. Завадский, Рихтер: "Бесчинства!!!" — подписали. Капица внимательно прочитал все подписи: "Я, конечно, подпишу, но думаю — не поможет. Ведь им на нас..." Я тогда подумал: кому им и на кого на нас?

Последний поход был к министру культуры Фурцевой. Без всякой записки приперлись. Вошли, изложили суть дела, и она не очень правдиво всплеснула руками, мол, ничего не знаю, ой-ой. "Товарищи, давайте жить дружно". И Сашка Ширвиндт неожиданно сказал: "Лева! Все. Тупик. Встали". Мы встали и ушли. А Эфроса все равно сняли. Кажется, время изменилось, демократия, все должно быть нормально, по-человечески.

"Ни со мной, ни с артистами никто не советовался"

ВЛАДИМИР ЧИСТЯКОВ / Москва, Калесорисити-2006-14 июля 2007

ски. А все, оказывается, — фигушки два. И в очередной раз им на нас...

— В общем, вы на себе испытали, что на вас в Театре на Бронной и "в верхах" на...

— Конечно. Я как стал главным режиссером, сказал, что если появится молодой талантливый парень, которому я смогу доверить труппу, то уйду. Такой появился — Роман Самгин. Я знал, что буду спокоен за будущее театра. И вдруг директор театра Коган заявляет, что он категорически против Самгина. И на мои вопросы "почему?" стал сочинять странные истории. Поставил ультиматум — или я, или Самгин!!! Так началась буза в театре. Мы маленькой группой — я, Антоненко-Луконина — пошли в Комитет по культуре. После беседы я понял, что никаких сомнений относительно Самгина нет. И только после этого я написал заявление по собственному желанию об уходе с поста главрежа. Еще мы написали письмо в Комитет по культуре, его подписали 27 человек. Против были двое. Но почему-то 2 против 27 расценили как отсутствие единодушия в коллективе. Комитет начал советоваться с выдающимися деятелями. И тогда я вспомнил Капицу.

— Кто виноват во всей этой ситуации?

— Уверен — Коган. Его личная неприязнь не должна распространяться на режиссеров. Я не понимаю его бизоньего упорства.

— Получается, что вы попали в ту же ситуацию, что до вас Андрей Житинкин, Женовач — жертвы директорского произвола. А может, дело и не в нем вовсе?

— А в ком еще? Коган всегда своих замов убирал: приглашал в театр на работу, а потом убирал. Как вы думаете, какой первый приказ подписывает он после заключения контракта с Трушкиным? Увольняет свою секретаршу, проработавшую десять лет, и только потому, что она была на нашей стороне.

— Извините за вопрос, но говорят, вы хотели Самгина на свое место потому, что он дал слово занимать в спектаклях всех членов вашей семьи — дочь, ее мужа Владимира Ершова, супругу вашу Ирину Кириченко...

— Да при чем тут семья! Чуть! Бредовина! Жена моя нигде не занята у Самгина. А дочь и зять — это не просто дочь и зять, а актеры этого театра. Это все фантазии Когана. Он же говорил, что Самгин дружен с Баху-

сом. То есть пьющий.

— Вас поставили в известность о назначении Трушкина?

— Ни со мной, ни с артистами никто не советовался. Я позвонил в комитет Андрею Порватову (зам. председателя комитета. — М.Р.), три дня ждал соединения с ним — не дождался.

— А какие у вас отношения со своим будущим начальником?

— Трушкин — интересный режиссер, со своим почерком. Я работал с ним, играл в его "Гамлете". Между нами ничего не может быть плохого.

— А он вам не звонил?

— Нет, нет, никто не звонил. И из комитета — тоже. У меня остался чудовищный осадок, как тогда, когда снимали Эфроса. Если бы меня сейчас спросили: "Опиши флаг России", я бы сказал: "Их два. Один мой — трехцветный, а другой — чей-то, красный с серпом-молотом в верхнем углу". Ничего не изменилось.

— Вы просто обиделись, и мне ваша обида понятна.

— Чего мне обижаться в моем возрасте — бог со мной, а как быть с людьми? Не хочу ничего прогнозировать — Леня волевой человек, и он не позволял разрушать спектакль или театр. Эта ситуация проиграна всеми, начиная от комитета и кончая Коганом.

— Какое сейчас настроение в труппе?

— Да жуткое. Все говорят: "Вредительство".

— Вы не собираетесь покинуть Бронную?

— Нет.

— Вам не кажется странным, что Трушкин вам не позвонил?

— Странно. Леня должен был позвонить — я же сам, добровольно уступил место. А директора я больше не знаю. Его нет для меня. Даже не поздороваюсь.

Буквально через две-три недели театр откроет новый сезон. Как поведет себя новый худрук при прежней системе руководства? Как поведет труппа, привыкшая к режиссерской чехарде? Изменится что-то в лучшую сторону или же Бронная так и останется проклятым местом? Таковым оно считается с тех времен, когда советская власть изгнала оттуда великого режиссера и актера Соломона Михоэлса.

Марина РАЙКИНА.